

товарный голод. Ту экономически необходимую роль, которую скупщик играл во втягиваемой в товарное обращение деревне, в городе-эмпории для местных мелких производителей он играть не мог. В отраслях, где не требовалось сложного оборудования и дорогостоящего сырья, мелкие товаропроизводители города и подгородной деревни могли обходиться без посредника, тогда как в условиях феодальной деревни скупщик был „хозяйном“ местного рынка.¹ За исключением узкой сферы производства предметов роскоши, превращение мелкого товаропроизводителя в наемного работника на дому в таком центре, как Константинополь, могло происходить только замедленными темпами.

Широчайшие возможности прямого сбыта потребителю своих изделий приводили к концентрации в Константинополе и Фессалонике громадного количества мелких товаропроизводителей, взаимно конкурирующих и снижающих цены на свои изделия. В результате заработка мелкого товаропроизводителя становился минимальным, едва обеспечивающим полуголодное существование. Современники единогласно констатируют ужасающую нищету громадных масс населения Константинополя.² Но эта нищета населения не стала источником создания капиталов, доставляя преимущества только потребляющему богатству (чиновный мир, церковь, феодалы).

Наличие в городе-эмпории более или менее централизованного аппарата феодализирующегося государства сыграло особенно важную роль в византийской истории. Аппарат всякого феодализирующегося государства является, в сущности, орудием угнетения в руках класса феодалов, но по форме своей аппарат власти в феодальном поместье значительно отличается от аппарата государства, центром которого является большой торговый город. Развиваясь в обстановке товарного хозяйства, государственный аппарат, естественно, должен учитывать потребности тех прослоек господствующего класса, доходы которых связаны с эксплуатацией мелких товаропроизводителей и внешней торговли. В Византии это было тем более необходимо, поскольку Константинополь был не простым центром торговли, но „золотым мостом между Востоком и Западом“, как его называл К. Маркс.³

Доходы государства во многом зависели от развития товарного обращения в крупных городах. Поэтому законодательство государства, естественно, учитывало в первую очередь не натуральнохозяйственные отношения, но потребности товарного хозяйства. Действующее право позднеримского времени, получившее свое оформление в обстановке крупных городских центров, покоилось на юридических идеях, отражающих условия того общества, которое полностью было втянуто в товарные отношения.

Естественно, что эти юридические идеи исходили из признания господства той формы собственности, которая наиболее соответствовала товарному обращению: *dominium plenum*. Под полной собственностью, по Юстинианову и позднему византийскому праву, мы можем разуметь собственность товаровладельца на товар; собственник может перепродать, заложить, сгноить товар. В обществе, в котором господствует товарное хозяйство, понятия „товар“ и „полная собственность“ взаимно связаны. Это относится не только к движимому и „самодвижущемуся“ имуществу, но и к недвижимости, к земле. Собственность на участки земли и в городе была непременным условием политического могущества

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 313.

² Обзор документов, рисующих нищету в Константинополе, см.: А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным агнографии. М., 1917, стр. 130, 209 и сл.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 441.